

УДК 904+94(3)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ СУЗДАЛЬСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА: СОЗДАНИЕ НОВЫХ УЕЗДОВ

© 2017 г.

А.Ю. Кабанов

Независимый исследователь, Иваново

kabanov37@bk.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

Поднимаются малоизученные вопросы административно-территориального деления Московского государства во второй половине XVI – начале XVII века. Цель работы – выявить причины территориальных реорганизаций на территории Восточного Замосковья в изучаемый период. Объектом изучения выбран Суздальский уезд, который был активно вовлечен в эти процессы. В рассматриваемый период из него выделились три новых уезда – Шуйский, Луховской и Кинешемский. В то же время к нему была присоединена большая часть стана Стародуба Рязановского, переданная из Владимирского уезда. Эти процессы проходили в разное время и были обусловлены различными историческими, социально-экономическими и политическими причинами. К сожалению, из-за скудности источников выяснить многие вопросы не представляется возможным и некоторые выводы работы носят предположительный характер.

Ключевые слова: Восточное Замосковье, Луховской уезд, Шуйский уезд, Кинешемский уезд, Суздальский уезд, описание, административно-территориальное деление.

Вторая половина XVI века в истории Московского государства – это время освоения новых территорий, строительства городов, формирования уездов. Административно-территориальное деление страны в то время было еще нестабильным, «рыхлым», условным. Четкие границы, как правило, отсутствовали. То появлялись, то исчезали новые волости и станы. Затронул этот процесс и уездное звено. В первой половине XVI века большинство уездов Восточного Замосковья составляли территории бывших русских княжеств – Суздальского, Костромского, Ярославского, Ростовского, Владимирского, Муромского, Юрьевского, Стародубского и т.д. Они значительно различались по размеру, количеству населения, экономическому потенциалу. Территориальные реорганизации XVI века не были напрямую связаны с размерами уездов. Например, весьма значительный по своей территории Костромской уезд в первой половине столетия поглотил Плесский уезд. В целом ряде уездов происходили обратные процессы. Из Ярославского уезда выделились Романовский и Пошехонский. Из Нижегородского – Юрьевецкий и Балахнинский, составляющие территорию нижегородской части бывшего Городецкого княжения, а также Гороховецкий уезд. Территория Суздальского уезда в рассматриваемый период подверглась весьма значительным изменениям. Во второй половине XVI – начале XVII века от него были отделены Шуйский, Луховской и Кинешемский уезды. Причины этих изменений до конца не ясны.

Академик Ю.В. Готье считал, что «из обширного Суздальского уезда выделились небольшие части, из которых иные составляли мелкие уделы Суздальско-Нижегородского великого княжения, иные, может быть, сложились уже в московское время; из этих обломков, заключавших в себе от двух до пяти станов и волостей, составились уезды Шуйский и Кинешемский» [1, с. 106]. «Территория Суздальского и Стародубского княжений в полном объеме перешла под власть Москвы только во второй половине XV века. А в первой половине XVI столетия завершилась группировка земель Суздальского и Стародубского княжений по уездам. Из территорий этих княжений образовались, кроме Суздальского, ещё Кинешемский, Лушский, Шуйский, Юрьевецкий, Балахнинский и Нижегородский уезды. Детальный процесс образования этих уездов не поддается наблюдению. Весьма вероятно, что он стоит в связи с тем обстоятельством, что Суздальское княжение перешло во владение Москвы в несколько приемов, по частям. Что касается собственно Шуйского уезда, то нельзя с достаточной достоверностью решить, имел ли этот уезд какое-нибудь отношение к Шуйским князьям, которые владели вотчинами и в других частях бывшего Суздальского княжения» [1, с. 402]. Подобные сомнения высказывает и В.Н. Козляков: «...Не стоит торопиться записывать город Шую, находившуюся в Суздальской земле, в число тех земель, которыми изначально владели князья Шуйские (откуда и могла пойти их фа-

милия). Вопрос о том, входила ли Шуя в число особых столов Суздальского княжения, не ясен [2, с. 14].

Эти сомнения выглядят довольно странно. Историки действительно не располагают прямыми свидетельствами принадлежности города Шуи князьям Шуйским. Шуйские известны с 1403 г., а по поводу времени возникновения города споры идут до сих пор. Отсутствие в документах прямых указаний на связь княжеских родов со своими уделами и вотчинами в большинстве случаев не мешает исследователям идентифицировать их. Например, вывод В.А. Кучкина о том, что князья Палецкие получили свою фамилию по селу Палех, а Ряполовские – по Ряполову, не вызвал каких-либо возражений [3, с. 259]. В нарративных источниках отмечается, что царь Василий Шуйский имел прозвище «шубник» именно потому, что в Шуе шились шубы и тулупы. В 30-е годы XVII века писцовые материалы фиксируют в Шуе осадные дворы князя Ивана Ивановича Шуйского, княгини Анисьи Петровны Скопиной-Шуйской, а также двух дворовых мест дворцового села Горицы, ранее принадлежавшего Горбатым и Шуйским [4, с. 323–324]. Как справедливо заметил известный исследователь рода князей Шуйских Г.В. Абрамович, ещё одним доказательством прямой связи Шуйских с Шуей является наличие родовой усыпальницы князей Горбатовых в Николо-Шартомском монастыре вблизи города [5, с. 58–59]. Территория Шуйского стана, а затем одноименного уезда в XVI – начале XVII в. практически со всех сторон была окружена вотчинами, которыми владели представители Суздальского княжеского дома. С севера Шуя граничила с Кохомской волостью Скопичных-Шуйских. С юга и юго-запада – с вотчинными владениями Ногтевых, с северо-востока – князей Горбатовых. Были рядом и владения самих Шуйских [4, с. 291; 6, с. 665–669; 7, с. 85–94, 114, 147, 168, 181, 203, 212–213; 8, с. 20–29; 9. Т. 2, с. 483, 505. Т. 3, с. 476; 10, с. 300; 11. Т. 1, с. 173–177. Т. 4, с. 254]. Князья Горбатовые вплоть до середины XVI в. владели селом Ярлыково непосредственно в Шуйском стане Суздальского уезда [12, с. 284]. Следует заметить, что Шуйские неоднократно лишались своих вотчин. Это имело место в середине XV века, а также в период опалы Б. Годунова. Как отмечал С.Б. Веселовский: «...есть не совсем ясные указания на то, что во второй половине XV века суздальские князья подверглись выселению и получили вместо своих старых вотчин земли в Юрьевце Повольском и в Городце на Волге... Все ли суздальские князья были выселены и кому из них и в какой мере

удалось позже получить обратно часть своих вотчин, мы пока не знаем. Несомненно только, что накануне oprичнины у суздальских князей оставались в Суздале и Шуе небольшие владения» [13, с. 159–160]. На наш взгляд, связь фамилии князей Шуйских с названием города Шуи представляется бесспорной.

Определенная проблема состоит в том, что первое прямое упоминание о Шуе в летописях относится к 1539 г., а в разрядах к 1540 г. Причем из этих источников следует, что город уже существовал. Это подтверждается и косвенными упоминаниями в письменных источниках. В «Списке русских городов», составленном в последней четверти XV в. и содержащемся в ряде летописных сводов, между Суздалем и Владимиром фигурирует город «Шумьский» или «Шюмьский». Еще М.Н. Тихомиров полагал, что речь идет именно о Шуе [14, с. 245, 248]. Тот же М.Н. Тихомиров, а вслед за ним Г.В. Абрамович выдвинули, на наш взгляд, наиболее правдоподобную версию происхождения названия города, связав его с расположением на левом берегу реки Теза [5, с. 58; 14, с. 252]. Заслуживает внимания точка зрения Г.В. Абрамовича, что князья Юрий Васильевич и Василий Семенович получили фамилию Шуйских после того, как лишились своих нижегородских владений. Возможно, уже тогда город или село Шуя был достаточно значимым населенным пунктом собственно суздальских земель, что и позволило присвоить им княжескую фамилию [5, с. 58]. Актовые источники конца XV – начала XVI в. содержат упоминания топонимов «Шуйский рубеж» и «Шуйская дорога», которые позволяют с достаточной долей уверенности говорить о местности с названием Шуя, имевшей свою границу и пути сообщения [6, с. 357; 7, с. 34; 15, с. 144–146; 16, с. 15–16]. Топоним «Шуйская дорога» встречается и в более поздних документах (1563/1564 г.) [7, с. 253]. Как известно, в 1565–1572 гг. Шуя входила в oprичнину. В царском указе прямо записано подчиненное положение Шуи относительно Суздаля. В перечне городов, которые были взяты «на свой обиход и царевичев», дословно поименованы «город Суздаль и с Шуею» [13, с. 159, 162; 17, с. 394–395]. Как справедливо подметил В.А. Аракчеев, Шуя в годы правления царя Ивана получила свои земские органы и, следовательно, прошла земскую реформу. Уже в 1564/1565 г. в Шуе были городовые приказчики [18, с. 270]. Кроме того, в XVI веке Шуя приобретает некоторое военное значение. В 1540-х годах там неоднократно формировались полки для военных действий против казанских татар. А в 1573 г. – против восставших черемис

[19, с. 283, 300–301, 312–313, 365–366; 20, с. 252].

Именно после официального окончания опричнины начинается становление Шуи как центра самостоятельного уезда. Вплоть до 1573 года город был центром одноименного стана Суздальского уезда. Кроме того, существовал и Борисоглебский стан, который в дальнейшем составил одноименную волость нового уезда [21, с. 146, 167; 22, с. 3–6; 23, с. 382]. Первые о Шуге, как центре уезда, говорится в черновом завещании Ивана Грозного, составление которого датируется июнем – августом 1572 г. В документе упоминается «город Шуя, с волостями, и с путями, и с селы, и со всеми пошлинами» [24, с. 383; 25, с. 442]. Первое описание Шуйского уезда было проведено в 1574/1575 г. Истомой Выповским и подьячим Оленем Гавриловым [25, с. 316]. Начиная с 1577/1578 г. Шуя упоминается в актовых источниках как центр самостоятельного уезда [11, т. 1, с. 168]. Между тем некое подчиненное положение Шуи к Суздалью сохранялось на протяжении весьма длительного времени. В 1593/1594 г. Якову Васильевичу Милюкову было дано поместье «в Суздальском уезде в Шуге» [11, т. 3, с. 213]. В жалованной грамоте 1610 г. Семену Собакину на вотчину сельцо Телешово написано: «В Суздальском уезде в Шуге в Телешове стороне» [11, т. 3, с. 318]. В Шуйском уезде отсутствовала и своя служилая дворянская корпорация. Шуйские помещики и вотчинники, не входившие в состав Государева двора, служили по Суздалью.

Административно уезд состоял из двух волостей – Борисоглебской и Телешовской. В указной грамоте великого князя Симеона Бекбулатовича от 14 марта 1576 г. в составе уезда фигурирует также Горенский стан. В дальнейшем он входил в состав Суздальского уезда [1, с. 405; 11, т. 3, с. 126]. Выделение крохотной территории, состоящей из двух небольших волостей, да еще прямо в центральной части Суздальского уезда, сложно поддается объяснению. Скорее всего, причина лежит в политической плоскости и связана с составлением летом 1572 г. духовного завещания царем Иоанном Грозным. Планируя устройство государства после своей смерти, Грозный завещает выделить своему младшему сыну удел с центром в Суздале. Завещание бывших старинных вотчин суздальских князей младшему сыну могло иметь какой-то определенный политический смысл. В этом смысле интересно, что именно в этом документе прямо указывается на Шугу «с волостями, и с путями, и с селы, и со всеми пошлинами» как отдельном уезде. Возможно, это была какая-то

оскорбительная для князей Шуйских акция [26, с. 442].

В то же время Суздальский уезд территориально «не пострадал», так как получал «компенсацию» в виде большей части уезда Стародуба Рязполовского. По своим размерам Стародубские земли значительно превосходили Шуйский уезд. Хотя это произошло не сразу.

Стародуб Рязполовский во времена опричнины был самостоятельным уездом, причем земским. Делился на станы и волости [7, с. 215, 218, 226, 228, 235, 246, 260, 274–277, 280–281, 285–290; 27, с. 148]. Известно, что в 1566–1569 гг. значительная часть уезда и сам город Стародуб Рязполовский принадлежали удельному князю Владимиру Андреевичу Старицкому [7, с. 286–306; 26, с. 423]. Причем, по наблюдениям А.Л. Юганова, в юрисдикцию удельного князя в основном попали поместные и церковные земли, а большая часть вотчин стародубских князей остались за царем. А потом в 1569–1572 гг. «городище» с посадом Стародуба Рязполовского и весь уезд «опроче вотчинников» был вотчиной служилого князя М.И. Воротынского. Воротынский также не получает контроль за военно-служилой силой уезда – корпорацией стародубских князей [28]. Причем в черновике завещания Ивана Грозного отмечается, что села, не вошедшие в удел, управляются из Владимира [26, с. 434–435, 444]. После Воротынского Стародуб теряет статус центра уезда и в 1568–1587 гг. упоминается уже как стан Владимирского уезда [7, с. 306, 325, 336, 341–343, 346, 349, 359, 365, 367, 386, 437, 439; 27, с. 200–202].

Следует заметить, что после официальной отмены опричнины и окончания «царствования» Симеона Бекбулатовича в сентябре 1576 г. деление страны на «двор» и «земщину» сохранялось. Весьма интересно, что в 1579/1580 г. стародубские земли вместе с Суздальем попали в состав «государева двора». Вотчины стародубских князей подлежали выкупу и раздаче в поместья. Остается не совсем понятным, касалось ли это бывшего уезда в целом или его части. Но с большой долей уверенности можно предположить, что дворцовые земли остались под управлением властей Владимирского уезда, а затем закрепились в нем [7, с. 437, 469; 28, с. 68]. А большая часть бывшего уезда в 90-е годы XVI века вошла в Суздальский уезд. Палехская волость по неизвестным причинам осталась владимирским анклавом на суздальской территории. Во Владимирском уезде остались также села Осипово, Сарыево и Всегодичи [29, с. 92].

Итак, мы видим появление нового уезда на бывшей опричной территории и упразднение в земской.

С начала 70-х гг. XVI в. можно говорить и о Луховском уезде. Город Лух, находившийся к северо-востоку от Суздаля, впервые упоминается в летописи под 1429 г. в связи с набегом на него казанских татар [30, с. 269]. Данные, полученные в результате раскопок, позволили археологам Е.Л. Костылевой и А.В. Уткину отнести сооружение лухской крепости к рубежу первого-второго десятилетий XV века [31, с. 38]. Этим частично подтверждается версия, высказанная В.А. Кучкиным, о строительстве в 10-х годах XV века московским великим князем Василием Дмитриевичем форпостов на границе с Нижегородским княжеством, обладавших в этих местах сильными укреплениями, в частности Юрьевцем Повольским. В своей работе исследователь имеет в виду прежде всего строительство крепостных укреплений в г. Плесе, которые великий князь «повелел рубить» в 1410 году [32, с. 78]. Строительство крепостных сооружений Луха вполне логично вписывается в эту концепцию. Лухская крепость находилась относительно недалеко от Юрьевца, седлала кратчайший путь от Волги к Москве, так называемую Стромынку в месте переправы через реку Лух с ее широкой заболоченной поймой. Со всем недалеко примерно в 10–15 км от Луха находилась Городецкая волость Пороздна, упоминаемая в 1401–1402 гг. [3, с. 212; 26, с. 47–50].

В конце XV века город Лух с волостями, а также приписанными волостями Кинешмой, Вичугой и Чихачевой был пожалован выехавшему из Литвы князю Федору Ивановичу Бельскому [26, с. 357]. Бельские были «державцами луховскими и кинешемскими» вплоть до 1571 года, когда в результате набега на Москву крымского хана Давлет-Гирея трагически оборвалась жизнь последнего из них – боярина Ивана Дмитриевича и всей его семьи. Среди историков преобладает точка зрения, что в период владения Бельских Лух был центром одного из последних в Московской Руси удельных княжеств [33, с. 116–117; 34, с. 160–161]. После гибели И.Д. Бельского и его детей был образован Луховской уезд, и в 1571 г. Дмитрий Федорович Горенкин и подьячий Жук Мартъемьянов составили его первое описание [11, т. 2, с. 173; 35, с. II].

Затем в 1574–1577 годах Луховской уезд составлял удел или вотчину выехавшего на Русь и рано умершего Валашского господаря Богдана Александровича [33, с. 122; 36, с. 13]. В этой связи, как справедливо заметили К.В. Баранов и Т.Б. Соловьева, в 1573/1574 г. Истомой Выповским и подьячим Оленем Гавриловым был про-

веден новый дозор уезда [37, с. 161]. В актах времени Богдана Александровича речь уже идет об уезде [37, с. 163]. А в 1581 году Лух был отдан в вотчину вдове царевича Ивана Ивановича Елене Ивановне Шереметевой, в иночестве старице Леониде [38, с. 228]. В 1586/1587 г. описание уезда провел Богдан Григорьев «со товарищи» [25, с. 187]. Кончина Леониды, последовавшая около 1595 года, завершила удельную историю Луха, превратившегося в уездный центр восточного Замосковья. Хотя вполне возможно, что это произошло и раньше. Уже в январе 1593 г. в Лухе имелся городской приказчик, а оброками в уезде ведала царская канцелярия [39, с. VI–VII]. Особенностью административно-территориального деления Луховского уезда было наличие, наряду с традиционными волостями, так называемых «луки». Луки, как правило, располагались по изгибам многочисленных рек. Данное деление для Московского государства явление уникальное. В других уездах подобных образований не зафиксировано [1, с. 97]. Среди исследователей до настоящего времени, не выработано какого-либо подхода, объясняющего значение этого термина. Хотя известно, что в луках традиционно измерялась земля в Корельском и Двинском уездах. Ю.Г. Алексеев предположил, что лук первоначально был связан с охотничьим хозяйством и соответствовал промысловым возможностям одного человека, а потом сохранился как традиционная мера [40, с. 97; 41, с. 225; 42, с. 105]. Всего в уезде было 9 лук, 2 волости, 2 слободы и одно заселье [8].

Еще в 70-е годы XVI века в Луховском уезде сложилась дворянская корпорация, которая в 1651 г. насчитывала 57 годных к службе дворян и детей боярских, в том числе 9 выборных дворян [21, с. 10].

Наконец, уже в годы Смутного времени появляется Кинешемский уезд. Как мы отмечали выше, в конце XV столетия волость Кинешма была пожалована князю Ф.И. Бельскому и таким образом вошла в состав Луховского удельного княжества, одного из последних в составе Московского государства [26, с. 357; 33, с. 116–117; 34, с. 160–161]. На карте, составленной англичанином А. Джениксоном в 1562 г., мы видим и Кинешму. По мнению Б.А. Рыбакова, центральная часть карты выполнена на основе старого Московского чертежа 1497 г. Это важно в связи с тем, что составитель наносил на нее лишь важнейшие населенные пункты [43, с. 27, 42].

Судя по всему, Кинешма, хотя и имела подчиненное положение к Луху, никогда в состав Луховского уезда не входила. Князья Бельские назывались «державцами луховскими и кинешемскими». В разрядных документах того вре-

мени лушане и кинешемцы, хотя и составляли единый отряд, но отмечались отдельно. Например, в сражении при Молодях 1572 года приняло участие 70 лушан и кинешемцев [44, с. 176]. Следует предположить, что пожалование Кинешемской, Вичугской и Чихачевской волостей было осуществлено как бы «сверх» волостей, непосредственно прилегающих к Луху и ставших затем ядром Луховского уезда. Эти волости, по всей видимости, были приписаны к Луху. Подобная практика была распространена. Например, к Юрьев-Польскому уезду были достаточно долго приписаны Опольский и Боголюбский станы Владимирского уезда [1, с. 377]. Косвенно это подтверждается еще двумя обстоятельствами. Во-первых, после смерти в 1577 году Валашского господаря Богдана Александровича, владевшего Луховским княжеством после Бельских, Кинешма и Лух были пожалованы разным владельцам. Лух был отдан в кормление старице Леониде [38, с. 228]. Кинешма же «город великий на Волге» была пожалована князю Ивану Петровичу Шуйскому. Вторым обстоятельством является факт наличия вокруг Луха целого ряда волостей и лук [45, с. 15; 46, с. 31]. Уже в XVI веке нам известны Сокольская, Обабокская луки и Филисовская волость.

Кинешма принадлежала князю И.П. Шуйскому вплоть до его опалы в 1587 г. [25, с. 169]. Важным обстоятельством, способствующим укреплению статуса Кинешмы, является ее пожалование в 1607–1608 гг. наследнику престола боярину князю Дмитрию Ивановичу Шуйскому. Кроме самой Кинешмы и Кинешемской волости, владения Д.И. Шуйского составили Вичужская, Мериновская и Владыченская волости. Они были приписаны к Кинешме и составили ядро будущего Кинешемского уезда [47, с. 397]. Кинешемская и Вичугская волости находились на правом берегу Волги, а Мериновская и Владыченская на левом [1, с. 382].

Судя по некоторым сохранившимся документам, в то время Кинешма входила в Суздальский уезд [1, с. 383]. Однако в Кинешме были свои губные старосты, юрисдикция которых распространялась и на приписанные волости. В 1607 году в Кинешме было три губных старосты – Семен Ратков, Алексей Столыпин и Дмитрий Нелидов. Кроме того, имелся приказчик Олай Нелюбов [48, с. 110]. Новый царь позаботился о том, чтобы лишить взятого в плен и увезенного в Польшу Д.И. Шуйского его владений. В ноябре 1610 г. все они, в том числе «в Суздальском уезде городишко Кинешма», были изъяты в казну. Правда, вскоре часть была роздана фаворитам нового правителя [47, с. 383, 397].

Кинешемский уезд обязан своим рождением руководителям Нижегородского ополчения. Во

время нахождения ополчения в Ярославле, летом 1612 г., Борис Степанович Собакин и подьячий Иван Алексеев произвели первый дозор (описание) нового уезда [11, т. 3, с. 30]. Материалы этого дозора до нас не дошли. Сохранились лишь несколько дозорных выписей, составленных Б.С. Собакиным и И. Алексеевым по наказу князя Д.М. Пожарского в ноябре 1612 – январе 1613 г. [11, т. 3, с. 30–31, 117–120, 137–139, 278–279, 354–355, 371–372]. В них же имеется ссылка на произведенный дозор 120 года. При составлении выписи, изготовленной для Лукьяна Даниловича Башмакова, дозорщики ошиблись при написании даты, записав 8 ноября 1611 г. Этот документ был дважды опубликован [11, т. 4, с. 18–19; 49, с. 325–326]. При этом публикаторы не обратили на это внимания, что позволяет некоторым исследователям делать вывод о проведении дозора в ноябре 1611 г. [25, с. 169]. Вместе с тем на ошибку в написании даты обращал внимание еще П.Г. Любомиров [51, с. 121].

В Кинешемском уезде также не сложилась собственная служилая корпорация. В годы Смутного времени в нем получили поместья многие представители смоленской дворянской корпорации, лишившиеся своей территории. Но они продолжали служить в составе «своего города» [51, с. 232].

Таким образом, примерно за 35 лет на бывшей территории Суздальского уезда возникло три новых небольших уезда. При этом два из них располагались как бы в центре его территории. Причины образования Луховского уезда в целом понятны. Эта территория ещё с конца XV века была обособлена от остальных суздальских земель. На ней сложилась своя система администрирования и хозяйствования, складывалась служилая корпорация. Мы можем с большой долей уверенности утверждать, что Кинешемский уезд был создан прежде всего с целью улучшения управления территориями, наиболее удаленными от уездного центра, частично расположенными за Волгой. Кроме того, волости создаваемого уезда были в то время свободны от поместного землевладения и могли стать основой для формирования новой уездной служилой корпорации. По причинам субъективного порядка этого не произошло. Но в 1612 г. вполне могло иметься в виду. А причины создания Шуйского уезда пока в целом остаются не понятными. Очевидно, что их нужно искать среди перипетий сложной внутренней политики царя Иоанна Васильевича Грозного.

Список литературы

1. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд 2-е. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. 411 с.
2. Козляков В.Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 301 с.
3. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
4. Борисов В.А. Собрание трудов (материалов): В 3 т.: Т. 2 / Сост. Е.Г. Вопилин, В.И. Баделин. Иваново: МИК, 2004. 560 с.
5. Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский престол. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 192 с.
6. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. Калачева. Т. 2. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1864. X+870+3 с.
7. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 639 с.
8. Кабанов А.Ю. Кохомская волость Суздальского уезда в XVI – первой половине XVII в. // Краеведческие записки. Вып. 13. Иваново: Ивановский государственный университет, 2012. С. 20–29.
9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 2. М.: Издательство АН СССР, 1958. 727 с.; Т. 3. М.: Издательство АН СССР, 1962. 678 с.
10. Маштафаров А.В. Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. М.: Древлехранилище, 2003. С. 273–338.
11. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М.: Археографический центр, 1997. 431 с.; Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 608 с.; Т. 3. М.: Древлехранилище, 2002. 673 с.; Т. 4. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.
12. Антонов А.В., Маштафаров А.В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 272–334.
13. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 537 с.
14. Тихомиров М.Н. Список русских городов // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 214–259.
15. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подг. Л.В. Черепнин. Ч. 1. М.: Издательство АН СССР, 1951. 400 с.
16. Якушкин Г.Р. Обзор документов РГАДА по истории города Шуи и Шуйского уезда XV–XVII веков // Борисовский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Возилов. Иваново: Референт, 2011. С. 13–20.
17. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
18. Аракчеев В.А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
19. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М.: Наука, 1977. 406 с.
20. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 615 с.
21. «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII вв. М., 1989. С. 8–23.
22. Духовная Ивана Перепечи Мартыянова сына Посульщикова // Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1–2. СПб., 1895. С. 3–6.
23. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М.: Типография ведомства городской полиции, 1851. 461 с.
24. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 1. М., 1846. 400+18+14 с.
25. Каталог писцовых книг Московского государства. Вып. 3. Писцовые книги Восточного Замосковья / Сост. М.Ю. Зенченко. М.: Памятники исторической мысли, 2007. 541 с.
26. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVII вв. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 562 с.
27. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 1998. 734 с.
28. Юрганов А.Л. «Стародубский» удел М.И. Воротынского // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 34–70.
29. Маштафаров А.В. Суздальский владычный дом в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 75–94.
30. Сокращенный летописный свод 1493 г. // Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 165–295.
31. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Предварительные результаты раскопок земляного вала Лухской крепости осенью 2008 г. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Вып. 3. История. Филология. Философия. С. 26–38.
32. Кучкин В.А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках (Число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. № 6. С. 72–85.
33. Веселовский С.Б. Последние уделы на территории Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 101–134.
34. Скрынников Р.Б. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 152–174.
35. Тарханная жалованная грамота царя Иоанна Васильевича Николаевской Тихоновой пустыни. 1577 г. июня 20 // Илинский П.А. Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии. Исторический очерк. Кострома: Типолитография С.П. Федотова, 1898. Приложения. С. I–VI.
36. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 333 с.
37. Баранов К.В., Соловьева Т.Б. Новые документы о валашском воеводе Богдане Александровиче // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 159–165.
38. Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 221–237.
39. Грамота царя Федора Иоанновича о рыбных ловлях на реке Лух и речках Печуге и Добрице. 1593 г.

января 5 // Илинский П.А. Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии. Исторический очерк. Кострома: Типолиитография С.П. Федотова, 1898. Приложения. С. VI–VII.

40. Селин А.А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.) Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 864 с.

41. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начала XVI века. Л., 1971. 365 с.

42. Иванов В.И. Закрепощение крестьян и уровень стабильности населения монастырских вотчин в XVII – начале XVIII в. (по материалам Двинского уезда) // Грани русского средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.: Древлекранилище, 2016. С. 99–109.

43. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: Наука, 1974. 112 с.

44. Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях в 1572 году // Исторический архив. 1949. № 4. С. 166–183.

45. Скрынников Р.Б. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск: Издательский дом «Русич», 1997. 624 с.

46. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 278 с.

47. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. 530+25+20 с.

48. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Наука, 2003. 491 с.

49. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Сост. А. Юшков. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1898. 432 с.

50. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 341 с.

51. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М.: Типография Селивановского, 1822. III+9+540 с.

TERRITORIAL REORGANIZATION OF THE SUZDAL UYEZD IN THE SECOND HALF OF THE 16th AND EARLY 17th CENTURY: CREATION OF THE NEW UYEZDS

A.Yu. Kabanov

The paper addresses the underexplored questions of administrative and territorial division of the Muscovite State in the second half of the 16th and early 17th century. The aim of the research is to reveal the reasons of territorial reorganizations in the Eastern Zamoskovie during that period. We focus on the Suzdal uyezd, which was actively involved in those processes. During the period under study, three new uyezds – Shuya, Lugh and Kineshma – emerged out of the Suzdal uyezd. At the same time, a large territory of Stan Ryapolovsky, a former part of the Vladimir uyezd, was turned over to the Suzdal uyezd. These processes were determined by different historic, social, economic and political factors. Unfortunately, due to the scarce information resources, some questions are impossible to answer, and some conclusions are hypothetical.

Keywords: Eastern Zamoskovie, uyezd, Lugh, Shuya, Kineshma, Suzdal, description, administrative and territorial division.

References

1. Got'e Yu.V. Zamoskovnyj kraj v XVII veke. Opyt issledovaniya po istorii ehkonomicheskogo byta Moskovskoj Rusi. Izd 2-e. M.: Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoe izd-vo, 1937. 411 s.

2. Kozlyakov V.N. Vasilij Shujskij. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 301 s.

3. Kuchkin V.A. Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-Vostochnoj Rusi v X–XIV vv. M.: Nauka, 1984. 353 s.

4. Borisov V.A. Sbranie trudov (materialov): V 3 t.: T. 2 / Sost. E.G. Vopilin, V.I. Badelin. Ivanovo: MIK, 2004. 560 s.

5. Abramovich G.V. Knyaz'ya Shujskie i rossijskij prestol. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. 192 s.

6. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnej Rossii / Pod red. N. Kalacheva. T. 2. SPb.: Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk, 1864. H+870+3 s.

7. Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrya 1506–1608 gg. / Sost.: S.N. Kisterev, L.A. Timoshina. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. 639 s.

8. Kabanov A.Yu. Kohomskaya volost' Suzdal'skogo uyezda v XVI – pervoj polovine XVII v. // Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 13. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2012. S. 20–29.

9. Akty social'no-ehkonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi. T. 2. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. 727 s.; T. 3. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. 1962. 678 s.

10. Mashtafarov A.V. Yavochnye chelobitnye 1568–1612 godov iz arhiva Suzdal'skogo Pokrovskogo devich'ego monastyrya // Russkij diplomatarij. Vyp. 9. M.: Drevlekhranilishche, 2003. S. 273–338.

11. Akty sluzhilyh zemleladel'cev XV – nachala XVII veka. T. 1. M.: Arheograficheskij centr, 1997. 431 s.; T. 2. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. 608 s.; T. 3. M.: Drevlekhranilishche, 2002. 673 s.; T. 4. M.: Drevlekhranilishche, 2008. 632 s.

12. Antonov A.V., Mashtafarov A.V. Ob arhive Suzdal'skogo Pokrovskogo devich'ego monastyrya // Russkij diplomatarij. Vyp. 10. M.: Drevlekhranilishche, 2004. S. 272–334.

13. Veselovskij S.B. Issledovaniya po istorii oprichniny. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 537 s.

14. Ti-homirov M.N. Spisok russkikh gorodov // Istoricheskie zapiski. T. 40. M., 1952. S. 214–259.
15. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i hozyajstva XIV–XVI vekov / Podg. L.V. Cherepnin. Ch. 1. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 400 s.
16. Yakushkin G.R. Obzor dokumentov RGADA po istorii goroda Shui i Shujskogo uезда XV–XVII vekov // Borisovskij sbornik. Vyp. 2 / Otv. red. V.V. Vozilov. Ivanovo: Referent, 2011. S. 13–20.
17. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XIII. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 544 s.
18. Arakcheev V.A. Vlast' i «zemlya»: Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglyh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII veka. M.: Drevlekhranilishche, 2014. 512 s.
19. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. T. 1. Ch. 2. M.: Nauka, 1977. 406 s.
20. Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. M.: Nauka, 1966. 615 s.
21. «Smetnyj spisok» voennyh sil Rossii 1651 g. // Dvoryanstvo Rossii i ego krepostnye krest'iane. XVII – pervaya polovina XVIII vv. M., 1989. S. 8–23.
22. Duhovnaya Ivana Perepechi Mart'yanova syna Posul'shchikova // Lihachev N.P. Sbornik aktov, sobrannyh v arhivah i bibliotekah. Vyp. 1–2. SPb., 1895. S. 3–6.
23. Borisov V.A. Opisaniye goroda Shui i ego okrestnostej s prilozheniem starinnyh aktov. M.: Tipografiya vedomstva gorodskoj policii, 1851. 461 s.
24. Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arheograficheskoy komissiej. T. 1. M., 1846. 400+18+14 s.
25. Katalog piscovyh knig Moskovskogo gosudarstva. Vyp. 3. Piscovyje knigi Vostochnogo Zamoskov'ya / Sost. M.Yu. Zenchenko. M.: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2007. 541 s.
26. Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVII vv. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 562 s.
27. Akty Rossijskogo gosudarstva. Arhivy moskovskih monastyrej i soborov XV – nachala XVII v. / Otv. red. V.D. Nazarov. M., 1998. 734 s.
28. Yurganov A.L. «Starodubskij» udel M.I. Vorotynskogo // Arhiv russkoj istorii. Vyp. 2. M., 1992. S. 34–70.
29. Mashtafarov A.V. Suzdal'skij vladychnyj dom v dokumentah XVI – nachala XVII veka // Russkij diplomatarij. Vyp. 5. M., 1999. S. 75–94.
30. Sokrashchennyj letopisnyj svod 1493 g. // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XXVII. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007. S. 165–295.
31. Kostyleva E.L., Utkin A.V. Predvaritel'nye rezul'taty raskopok zemlyanogo vala Luhskoj kreposti osen'yu 2008 g. // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2009. Vyp. 3. Istorija. Filologiya. Filosofiya. S. 26–38.
32. Kuchkin V.A. Goroda Severo-Vostochnoj Rusi v XIII–XV vekah (Chislo i politiko-geograficheskoe razmeshchenie) // Istorija SSSR. 1990. № 6. S. 72–85.
33. Veselovskij S.B. Poslednie udely na territorii Severo-Vostochnoj Rusi // Istoricheskie zapiski. T. 22. M., 1947. S. 101–134.
34. Skrynnikov R.B. Oprichnina i poslednie udel'nye knyazheniya na Rusi // Istoricheskie zapiski. T. 76. M., 1965. S. 152–174.
35. Tarhannaya zhalovannaya gramota carya Ioanna Vasil'evicha Nikolaevskoj Tihonovoj pustyni. 1577 g. iyunya 20 // Ilinskij P.A. Luhovskaya Tihonova pustyn' Kostromskoj gubernii. Istoricheskij ocherk. Kostroma: Tipolitografiya S.P. Fedotova, 1898. Prilozheniya. S. I–VI.
36. Zimin A.A. V kanun groznyh potryasenij. Predposylki pervoj krest'yanskoj vojny v Rossii. M.: Mysl', 1986. 333 s.
37. Baranov K.V., Solov'eva T.B. Novye dokumenty o valashskom voevode Bogdane Aleksandroviče // Russkij diplomatarij. Vyp. 4. M., 1998. S. 159–165.
38. Moskovskij letopisec // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 34. M.: Nauka, 1978. S. 221–237.
39. Gramota carya Fedora Ioannovicha o rybnyh lovyah na reke Luh i rechkah Pechuge i Dobrice. 1593 g. yanvara 5 // Ilinskij P.A. Luhovskaya Tihonova pustyn' Kostromskoj gubernii. Istoricheskij ocherk. Kostroma: Tipolitografiya S.P. Fedotova, 1898. Prilozheniya. S. VI–VII.
40. Selin A.A. Russko-shvedskaya granica (1617–1700 gg.) Formirovanie, funkcionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki. SPb.: Russko-Baltijskij informacionnyj centr «Blic», 2016. 864 s.
41. Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii. Vtoraya polovina XV – nachala XVI veka. L., 1971. 365 s.
42. Ivanov V.I. Zakreposhchenie krest'yan i uro-ven' stabil'nosti naseleniya monastyrskih vot-chin v XVII – nachale XVIII v. (po materialam Dvinskogo uезда) // Grani russkogo srednevekov'ya. Sbornik statej k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva. M.: Drevlekhranilishche, 2016. S. 99–109.
43. Rybakov B.A. Russkie karty Moskovii XV – nachala XVI veka. M.: Nauka, 1974. 112 s.
44. Baganov V.I. Dokumenty o srazhenii pri Molodyah v 1572 godu // Istoricheskij arhiv. 1949. № 4. S. 166–183.
45. Skrynnikov R.B. Car' Boris i Dmitrij Sa-mozvanec. Smolensk: Izdatel'skij dom «Rusich», 1997. 624 s.
46. Pavlov A.P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.). SPb.: Nauka, 1992. 278 s.
47. Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. T. 4. SPb.: Tipografiya Ehdvarda Praca, 1851. 530+25+20 s.
48. Narodnoe dvizhenie v Rossii v ehposu Smuty nachala XVII veka, 1601–1608: Sb. dokumentov / Otv. red. N.M. Rogozhin. M.: Nauka, 2003. 491 s.
49. Akty XIII–XVII vv., predstavlenyye v Razryadnyj prikaz predstavitel'yami sluzhilyh familij posle otmeny mestnichestva / Sost. A. Yushkov. Ch. 1. M.: Universitetskaya tipografiya, 1898. 432 s.

50. Lyubomirov P.G. Oчерk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg. M.: Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo, 1939. 341 s.

51. Sобрание gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranyashchihsya v Gosudarstvennoj kollegii inostrannyh del. Ch. 3. M.: Tipografiya Selivanovskogo, 1822. III+9+540 s.